

Риторика институционализма: ирония у Торстейна Веблена

Данила Расков

Доцент, руководитель, Центр исследований экономической культуры, факультет свободных искусств и наук, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ). Адрес: 190121, Санкт-Петербург, ул. Галерная, 58–60.
E-mail: danila.raskov@gmail.com.

Ключевые слова: риторика; Торстейн Веблен; ирония; институционализм; праздный класс.

В центре внимания статьи — риторика Торстейна Веблена, который органично сочетал экономический, социологический и антропологический подходы. Автор предпринимает попытку показать важность и эвристическую значимость использования Вебленом тропа иронии. Позиция иронизирующего помогает критиковать существующий порядок вещей, продвигаться в понимании социально-экономического устройства общества как сложного, противоречивого и порой абсурдного. В статье выявлены случаи и сюжеты, при описании которых Веблен прибегал к иронии. Зачастую ирония сопровождает критику статус-кво, касается таких явлений, как праздный класс, деловая культура бизнесменов, система высшего образования, современная западная цивилизация, преимущественно воплотившаяся в Америке, постулаты и скрытые идеологемы основного течения экономической мысли.

Автор демонстрирует, что в своей интерпретации иронического у Веблена его последователи сводили все к персональным качествам самого выходца из норвежских фермеров, а сам троп по большей части противопоставляли серьезному исследованию, то есть интерпретировали как несерьезную часть наследия, которая мешала современному признанию заслуг Веблена. Статья ставит прямо противоположную задачу — привлечь внимание и показать ценность иронии для социальных наук. Ирония как негативная и многоплановая характеристика действительности лучше отражает сами явления с присущими им парадоксами и сложностью. Ирония помогает занять правильную дистанцию к серьезности описания, показать социально-экономические процессы в их динамике и противоречивости. В конечном счете именно ироническое актуализирует творчество Веблена.

ДЖОН Кеннет Гэлбрейт в своих мемуарах подметил важный эффект экономико-антропологического изучения праздного класса. Торстейн Веблен, вглядываясь в демонстративное потребление и показную расточительность богатых, подобно исследователю племен Новой Гвинеи, создал нарратив, полный иронии, насмешки и сарказма. Гэлбрейт указал на важный симптом — сдвиг в восприятии нуворишей и обеспеченных людей. Они высмеиваются и тем самым лишаются превосходства, которым их наделяют зависть и ненависть¹. Быть богатым — это смешно. Эта позиция, возможно, не дает четкого фундамента для альтернативного взгляда на экономическое устройство, но она противопоставляет скепсис догматизму. Кажется, именно поэтому Гэлбрейт называет Веблена не только одним из своих учителей, но и наиболее интересным американским ученым в области социальных наук².

В современную эпоху разделения наук экономисты все реже обращаются к наследию Веблена, хотя его имя стало нарицательным в теории потребительского поведения и спроса³. Эффект Веблена описывает исключение из закона спроса, когда возросшая цена сигнализирует о более высоком статусе и престиже товара и приводит к росту, а не падению величины спроса. Это именно тот случай, когда можно ровным счетом ничего не знать о работах самого Веблена, не заглядывая в его тексты. Он упоминается как один из трех наиболее видных представителей старого институционализма, который мы будем называть просто институционализмом и к которому у экономистов есть претензии: фактология без теории, критика без создания законченной альтернативной теории,

1. *Galbraith J. K. A Life in Our Times. Memoirs. Boston: Houghton Mifflin Company, 1981. P. 30.*

2. *Ibid. P. 29.*

3. См. общий взгляд на актуальность Веблена: *Нуреев Р. М. Торстейн Веблен: взгляд из XXI века // Вопросы экономики. 2007. № 7. С. 73–85*; современную интерпретацию эффекта Веблена и демонстративного досуга можно найти в работе: *Малахов С. В. Эффект Веблена, поиск статусных товаров и отрицательная полезность демонстративного досуга // Journal of Institutional Studies. 2012. № 3. С. 6–21*; о связи демонстративного расточительства с поведенческой экономикой см.: *Шишкина Т. М. Демонстративная расточительность и эвристика репрезентативности // Journal of Institutional Studies. 2017. № 4. С. 68–79.*

отсутствие четкой терминологии. В социологии Веблен, с определенными оговорками, более признан, но также является далеко не центральной фигурой. Вместе с тем его во многих отношениях рано списывать со счетов, поскольку его многоплановый, оригинальный подход в междисциплинарном описании явлений достоин внимания. Как показал Гэри Алан Файн, стиль важен для прочтения Веблена, тексты которого по-разному интерпретировались в контексте литературы, научного дискурса или сатиры; при этом восприятие его стиля определяло и содержательные выводы из текста, что подтвердило неразрывное единство сути и стиля⁴.

Разговор о тропе иронии у Веблена склонен развернуться в сторону языка, дискурса, этоса авторов, стратегий убеждения, характера используемых тропов, причин убедительности, хитро-сплетений восприятия⁵. В данном контексте правильно воспринимать риторику как часть *дескриптивно-аналитической методологии, социологии знания*⁶. Риторика — это повод взглянуть глазами не-экономиста (методолога, философа, лингвиста, постороннего читателя) на экономико-социологические тексты. При этом роль убеждения и риторики в самой экономической действительности остается в данном случае в стороне, хотя ясно, что и сама экономика риторична, поскольку в ней действуют люди, наделенные по природе, как учил Адам Смит, даром речи и именно поэтому способные договариваться и вступать в обмен⁷.

Институционализм наряду с марксизмом долгое время рассматривался как один из немногих альтернативных подходов, способных конкурировать с магистральным направлением экономиче-

4. Fine G. A. The Social Construction of Style: Thorstein Veblen's "The Theory of the Leisure Class" as Contested Text // The Sociological Quarterly. 1994. Vol. 35. № 3. P. 457–472. См. также небольшую статью, напрямую посвященную исследовательским возможностям иронии в социальных науках, в частности у Веблена: Machalek R. Thorstein Veblen, Louis Schneider and the Ironic Imagination // Social Science Quarterly. 1979. Vol. 60. P. 460–464.
5. Риторический подход применительно к экономическим текстам в 1980-е годы стали развивать Дейдра Макклоски и Арьо Кламер. См.: Макклоски Д. Риторика экономической науки. М.; СПб.: Издательство Института Гайдара, 2015; Кламер А. Странная наука экономика. Приглашение к разговору. М.; СПб.: Издательство Института Гайдара, 2015.
6. Лучше всего такая аргументация проведена у Олега Ананьина: Ананьин О. Структура экономико-теоретического знания. Методологический анализ. М.: Наука, 2005.
7. Во второй главе «Богатства народов», занимающей всего несколько страниц, Смит связывает способность человека к обмену с двумя природными особенностями человека, отличающими его от животного мира, — это разум и дар речи.

ской мысли⁸. Подобно Марку Блаугу или специалисту в истории американской экономической мысли Малкольму Рузерфорду, под институционализмом в данной статье мы понимаем межвоенный институционализм Торстейна Веблена, Джона Коммонса, Уэсли Митчелла, Уолтона Гамильтона, который с 1970-х годов был составлен новой институциональной экономической теорией, усиленной нобелевскими премиями Рональда Коуза, Дугласа Норта, Оливера Уильямсона, Элинора Остром. Со временем более ранний институционализм был не только «состарен», но и почти забыт в среде экономистов, превратился в экзотику. Новый институционализм предлагал уже не изучение институтов для понимания экономики, но экономическое объяснение институтов общества. Критика теории и экономического устройства сменилась оправданием *status quo* и частичным улучшением микроэкономической методологии. Как мы предположили ранее, правовая риторика Коуза способствовала укреплению права собственников, деловая риторика и заимствования из области менеджмента Уильямсона дополнительно защитили *status quo* корпораций, междисциплинарный синтез Норта неявным образом помог лучше объяснить уникальность и недостижимость институтов в странах Запада⁹. У экономистов и новых институционалистов возник «консенсус» относительно того, что ранние институционалисты излишне критиковали магистральное направление, но сами не смогли создать цельной теории, иначе говоря, были «неудачниками» и «чужаками». Тем не менее периодически делаются попытки найти принципы, объединяющие представителей институционализма первой половины XX века. Рузерфорд, пожалуй наиболее авторитетный из современных исследователей этого направления, признавая эклектичность и плюрализм институционализма, выделяет такую общую повестку дня, как научный подход (сциентизм) и социальный контроль (реформизм). Часто говорят о холизме, эволюционном подходе, кумулятивной причинности и других чертах. Единой точки зрения нет, что предоставляет дополнительные возможности для ревизии и переосмысления.

В центре нашего внимания — риторический разбор творчества Торстейна Веблена, наиболее яркого и известного из довоенных институционалистов; следует приоткрыть и обсудить такую сто-

8. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело, 1994. С. 656–659.

9. Расков Д. Е. Риторика новой институциональной экономической теории // Вопросы экономики. 2010. № 5. С. 95. Об отличиях видения нового и старого институционализма см.: Расков Д. Е. Образ экономики в институционализме // Вестник СПбГУ. Серия «Экономика». 2010. Вып. 3. С. 32–41.

рону его риторики, как использование тропа иронии. Сначала мы выявим те случаи, когда Веблен ее использует, покажем восприятие иронии его последователями, которые скорее стремятся заретушировать эту риторическую особенность, чем признать всю ее серьезность. Затем мы обсудим вопрос о связи между иронией и критикой, степенью радикальности выводов, поразмышляем над эвристикой этого тропа в контексте истории социальных наук.

Ирония у Веблена

В книгах «Теория праздного класса. Экономическое изучение институтов» (1899), «Теория делового предприятия» (1904) и других текстах ирония и сатира Веблена часто связана с *критикой существующего порядка вещей* — в обществе, культуре, цивилизации, с критикой сложившихся институтов власти, распределения ролей, архаичной комичности институтов потребления и паразитического типа многих отраслей экономики (в частности, рекламы). Характерна для Веблена и критика высшего образования и системы управления университетской жизнью (коммерциализация, привлечение акул бизнеса и капитанов промышленности к управлению, ритуальные мантии и шапочки при вручении дипломов и т.д.). В работах теоретического характера можно обнаружить ироничные замечания о господствующей экономической теории, концепции рациональности. Веблен насмешливо критикует общество, бизнес, праздный класс, потребление и систему образования.

Сарказм часто направлен на элиту и господствующее сословие (его денежную культуру):

Лучшим примером, или по крайней мере более очевидным, является случай с одним из королей Франции, который простился с жизнью из-за чрезмерной моральной стойкости при соблюдении правил хорошего тона. В отсутствие должностного лица, в обязанности которого входило передвижение кресла господина, король безропотно сидел перед камином, позволяя своей королевской персоне поджариться настолько, что его уже нельзя было спасти. Однако, поступая таким образом, он спасал свое Наихристианское высочество от осквернения низкими усилиями.

Главное, верь — нечестиво душу предпочесть стыду,
И из-за жизни погубить основы бытия¹⁰.

10. Веблен Т. Теория праздного класса / Пер. с англ. С. Д. Сорокиной. М.: Прогресс, 1984. С. 89.

Задача Веблена — заострить внимание на тех особенностях поведения праздного класса, которые представляются очевидно непроизводительными и одновременно смешными. Он не раз замечает, что данное исследование построено не на социологических исследованиях, но на общих местах, общеизвестных фактах. В этом смысле оно не представляло собой эмпирического изучения. Трудно сказать, намеренная ли это небрежность, но «лучший пример», приведенный выше, относится к королю Испании, а не Франции — Филиппу III (правил в 1598–1621). Важнее другое, что это не *факт*, но *анекдот*, принадлежащий перу французского маршала Франсуа де Бассомпьера, который в качестве посла прибыл в Испанию незадолго до смерти Филиппа III и затем в мемуарах *высмеял* испанский этикет. Именно так и стоит относиться к этому примеру: как к истории, в которой в анекдотическом ключе схвачен типичный парадокс правил праздности.

Совсем не случаен и аристократический флер: можно предположить, что богатые люди в Чикаго подражали поведению знати, то есть высших слоев. Буржуа копировали аристократию, подчеркивая свой высокий статус праздностью. Эта отсылка к аристократии дополнительно усиливается в данном пассаже прямой латинской цитатой, переводом которой на русский заканчивается приведенный выше пассаж: *Súmmum créde nefás animám praeférre pudóri, / Ét proptér vitám vivéndi pérdere cáusas*. Римский поэт Ювенал («Сатиры», VIII, 83–84) обличает пороки знатных людей и сенаторов, которые из жизнелюбия идут на бесчестье и тем обесмысливают свою жизнь. Отсылки к аристократичной праздности далеко не случайны. Их смысл — в активизации общих мест и перенесении этих парадоксов и высмеивания на привычки и устремления обеспеченной публики в Америке конца XIX столетия.

Часто вообще не вполне ясно, всерьез пишет Веблен или иронизирует. От читателя в данном случае требуется понимание подтекста, буквальное прочтение отсылает к фигуративному. Отсутствие четких выводов дает возможность различных интерпретаций.

Достаточно часто объектом иронии становится система высшего образования. Пониманию того, как использовать досуг для непроизводительной деятельности, надо учиться. Поэтому не случайно, что высшее образование наряду с этикетом, искусством, модой, спортивными состязаниями и религией, по мысли Веблена, входит в «праздносветские» занятия. Образование он сравнивает с магией и знаниями жрецов о естественном порядке, которые показывали незнание и сверхъестественное:

Каждый, кто поразмыслит над историей образования, заметит, с какой цепкостью удерживаются эти ритуальные атрибуты в ходе развития цивилизации. Даже в наши дни встречаются такие вещи, как шапочка и мантия... обряд посвящения и церемония вручения дипломов, а также присуждение ученых степеней, званий и отличий, производимое таким образом, что наводит на мысль о чем-то вроде передачи апостольской благодати¹¹.

Магия, языческие, затем христианские обряды — вот тот контекст, в котором Веблен рассматривает историю образования. Эти ироничные замечания об апостольской благодати основаны и на собственном опыте, поскольку Веблен видел, как под покровительством попечителей из числа так называемых капитанов бизнеса создавались и часто воссоздавались ритуалы, формировалась иерархия внутри университета. В серьезном отношении к ритуалам Веблен прочитывает власть и доминирование, которые связывают эти ритуалы с предшествующими эпохами и помогают формировать знаки различия в обществе, выстраивать новую систему иерархии. Фетиш никуда не исчезает, порой лишь усиливается. Насмешка не дискредитирует эти обряды, но лишь ставит в определенный контекст. Как и в случае с непобедимым товарным фетишизмом Маркса, когда фетиш неотделим от капиталистической системы общественного производства, действенным способом обозначения этой проблемы остаются сарказм и ирония. В этом смысле ирония у Веблена перекликается с иронией Маркса.

Веблен много раз менял место работы, часто не по своей воле покидая прежний университет. На его глазах формировались управление и структура Чикагского университета — частного учреждения, развивавшегося при финансовой поддержке Рокфеллеров. Отдельная рукопись о высшем образовании достаточно долго пролежала неопубликованной и была напечатана лишь в 1918 году¹². Любая цивилизация, по мысли Веблена, построена на эзотерическом знании, в роли которого выступает миф, богословие, философия или наука. Западная цивилизация — не исключение. Праздное любопытство и инстинкт мастерства заставляли осваивать знания. Идеалом современного университета, в отличие от Средневековья и раннего Нового времени, становится интеллектуальное освоение отвлеченного знания. «Варварский» же университет Средневековья «с необходимостью был посвящен (*was given over*) прагматичным, утилитар-

11. Веблен Т. Теория праздного класса. С. 338.

12. Veblen T. The Higher Learning in America: A Memorandum on the Conduct of Universities by Business Men. N.Y.: B.W. Huebsch, 1918.

ным дисциплинам, поскольку это и есть суть варварства»¹³. В этом мнимом превознесении современного университета сквозит ирония. Такие намеренные акценты вскрывают парадоксальные отношения современности и варварства. Идея Платона о том, что практически делами должны управлять философы, поставлена в современном американском университете с ног на голову: деловые люди управляют и образованием, и знанием¹⁴. Функция такого университета не столько в предоставлении практических знаний, сколько в том, чтобы задать общественную иерархию, дать возможность развивать карьеру, далеко не всегда связанную с получаемыми знаниями. Цивилизация отвлеченных интеллектуальных упражнений несколько понижает престиж религиозного служения, обходительности, показного потребления и политического могущества, если они не подвергаются переоценке в интеллектуальной системе образования.

О бесполезности следования отвлеченным классическим образцам или, вернее, о статусной пользе освоения практически бессмысленных знаний Веблен писал ранее следующее:

Нарушение правил написания вызывает крайнее раздражение, и любой автор будет дискредитирован в глазах всех лиц, обладающих развитым чувством истинного и прекрасного. Английская орфография удовлетворяет всем требованиям канонов почтенности, действующих в условиях закона демонстративного расточительства. Она архаична, неудобна и неэффективна; овладение ею требует много времени и сил; несостоятельность в овладении ею легко обнаруживается. Поэтому она является первейшим и простейшим критерием должной образованности, а подчинение ее ритуальным правилам является необходимым для безупречной ученой жизни¹⁵.

Этот конкретный критерий учености, пожалуй, остался в истории. Вместе с тем претензия Веблена в данном случае состояла в том, что образование учит не нужному и полезному, но тому, что по большей части необходимо только для обозначения статуса, для различий и узнавания; то есть академия не дает практических знаний и умений, но наделяет статусом, маркером которого часто служат трудно и долго осваиваемые навыки.

К праздности Веблен причислял все занятия, связанные со статусным положением или обслуживающие статус других: управление, военное дело, религию, спорт, развлечения, значительную

13. *Veblen T. The Higher Learning in America.* P. 28.

14. *Ibid.* P. 57.

15. *Веблен Т. Теория праздного класса.* С. 361.

часть высшего образования. Он видел определенное несоответствие между мастерством и рациональностью машин и денежным соперничеством (*pecuniary emulation*), доблестью силы и хищничества и усердием труда. В современных бизнесменах, их автомобилях и выставленных напоказ драгоценностях жен он видел сохранение архаических черт культуры. Если вчитываться, то он достаточно радикален в критике собственности и брака (преуспевающие мужчины стремятся представить в доказательство своей доблести что-то «надежное» — это женщины с их «подставной праздностью», или, иными словами, «праздностью по доверенности»). Корень собственности — завистливое сопоставление, погоня за престижем. Производителен и бережлив низший класс, для высшего свойственно воздержание от деятельности. Веблен с сарказмом замечает:

Как представляется всякой личности изысканного вкуса (*refined taste*), определенные обязанности, которые, по обыкновению, возложены на слуг, неразрывно связаны с осквернением души¹⁶.

Мишенью именно для иронии становятся праздный класс, церемонии, хорошие манеры, изысканный вкус.

Вдохновленный прогрессом в психологии, антропологии, теории эволюционных изменений, Веблен напористо и озорно критикует основные допущения неоклассической теории и, в частности, теории предельной полезности. В статье «Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной?» (1898) он стремится обосновать ложность концепции человеческой природы с позиций гедонизма:

Гедонистическая концепция уподобляет человека быстродействующей машине (*lightning calculator*) для исчисления ощущений наслаждения и страдания, которая вибрирует как некая однородная глобула стремления к счастью и приходит в движение под воздействием стимулов, оставаясь при этом неизменной. У него нет ни прошлого, ни будущего. Он представлен изолированным субъектом, находящимся в устойчивом равновесии, которое нарушается лишь под ударами внешних сил...¹⁷

Молниеносный калькулятор, если дословно переводить *lightning calculator*, — в этой ироничной фразе прочитывается сомнение в том, что

16. Веблен Т. Теория праздного класса. С. 85.

17. Веблен Т. Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной? // Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2007. С. 25.

человек может стремительно калькулировать и находить оптимальные решения. С одной стороны, в этой иронии угадываются будущие аргументы об ограниченной рациональности Герберта Саймона, когда под воздействием изучения искусственного интеллекта пришли к выводу, что людям легче ориентироваться на достаточный результат, а вычислительные способности недостаточны для принятия решений. С другой — идея калькулятора или машины подчеркивает, что природа решений не должна пониматься как особая, изолированная от предшествующего опыта, привычек и инстинктов процедура.

Разбирая в 1908 году в журнале *Quarterly Journal of Economics* книгу профессора Джона Бейтса Кларка, одного из своих учителей, Веблен опять возвращается к критике гедонистского, утилитарного подхода Кларка и современной экономической теории в целом за излишнюю статичность и желание свести теорию к количественному измерению. В такой экономической науке нет места кумулятивным изменениям, вопросам о происхождении, росте, процессе, динамике. Усиливая эту критику, Веблен замечает, что островитяне-алеуты с их магическими практиками морского промысла будут в рамках такой теории трактоваться как гедонистические акторы, ориентированные на ренту, заработную плату и проценты¹⁸. Доведение теории до логического завершения оборачивается абсурдом. Троп иронии усиливает абсурдность, сохраняя буквальную серьезность изложения.

В своей иронии Веблен неумолим и беспощаден ко всем условностям. Этот троп появляется и в разговоре о христианстве, природе западной цивилизации, патриотизме американцев, независимости газет, продвижении финансовых интересов в других странах.

Колкие замечания Веблена, который много лет вел учебный курс о западной цивилизации, часто достаются «своей Америке»:

Америка — естественная среда обитания человека, добившегося успеха своими собственными силами, а такой человек сам по себе является финансистом с ног до головы¹⁹.

Этот финансист, которого Веблен часто ассоциирует с длинноголовым блондином, имеет хищнический интерес в других странах:

Передовые христианские государства являются носителями просвещения, и их бизнесмены наделены высокой миссией вместе с просвещением продвигать вперед рубежи финансовой куль-

18. *Veblen T. Professor Clark's Economics (1908) // The Place of Science in Modern Civilization and Other Essays. N.Y.: B.W. Huebsch, 1919. P. 193.*

19. *Веблен Т. Теория делового предприятия. М.: Дело, 2007. С. 200.*

туры в среду отсталых народов. Как правило, они извлекают солидную маржу, осуществляя деловые операции с народами, не искушенными в финансах, особенно когда торговля с ними в достаточной мере подкреплена силой²⁰.

Понятно, что термины «передовой» и «отсталый» имеют как буквальное, так и фигуративное значение, поскольку передовые страны используют неискушенность менее развитых стран, и в этом смысле появляются нотки иронии и насмешки. Так же как в «передовых» странах формируется за большие средства так называемая независимая пресса, которая зависит только от тех, кто инвестировал в ее создание:

Наиболее дорогостоящим продуктом такого рода предприятий является категория американских газет, которые именуются «независимыми»²¹.

Тем самым использование тропа иронии у Веблена — это не случайное, а устойчивое явление. Ирония становится постоянным спутником его критики существующего порядка вещей, денежной культуры потребления, сложившейся в Америке системы образования, методологии и достижений магистрального течения экономической теории, над постулатами и квазипозитивистскими выводами которой подтрунивал американский ученый. Далее посмотрим на восприятие и интерпретацию иронии в социально-экономическом нарративе Веблена.

Интерпретация иронии у Веблена

Одно из самых распространенных объяснений использования иронии у Веблена связывалось с его биографией и особенностями личности. Йозеф Дорфман в своей известной книге «Торстейн Веблен и его Америка» (1934) связывал критическое отношение с определенным *ресентиментом* шестого ребенка и четвертого сына небогатого норвежского фермера по отношению к культуре янки²². Книга Дорфмана представила въедливое разбирательство с массой свидетельств и подробностей в противоположность аналитической истории мысли Марка Блауга или Йозефа Шумпетера.

20. Веблен Т. Теория делового предприятия. С. 215.

21. Там же. С. 276.

22. Dorfman J. Thorstein Veblen and His America. With New Appendices. N.Y.: Augustus M. Kelley, 1966 (1934).

Последнее время тональность и подбор деталей оспаривают, признавая тенденциозное желание Дорфмана прославиться и составить себе репутацию за счет фигуры Веблена²³.

Торстейн Бурде Веблен родился 30 июля 1857 года в штате Висконсин и умер 3 августа 1929 года в Калифорнии. Его семья в 1847 году переехала из Норвегии и занималась фермерством — сначала в Висконсине, потом в Миннесоте. Важно отметить, что Веблен вырос на ферме и до семнадцати лет не много соприкасался с остальным миром. Английский стал его вторым языком после норвежского, что отчасти объясняет своеобразие его языка, который оказывается сложен для самих носителей английского. Веблен был двуязычен. Судя по всему, его отец был вполне успешен и трудолюбив в деле развития фермы. В возрасте семнадцати лет Веблен пошел учиться в Карлтонский колледж, в котором столкнулся с представителями семей из бизнеса, а также протестантской культурой англикан. Если верить описанию Дорфмана, то Веблен выделялся тем, что ходил в домотканой одежде, а за неимением других возможностей жил в домике, который был поставлен отцом на арендованной земле. В колледже он учился у Джона Бейтса Кларка, известного экономиста, который его выделял. Далее он получил философское образование в Университете Джонса Хопкинса, где ему преподавали Чарльз Пирс и Ричард Эли. В Йельском университете он защитил философскую диссертацию по теории воздаяния, в которой опирался на Канта и Спенсера. Достаточно долго он не мог найти работу и в это время начитывал книги в отрыве от круга интеллектуального общения. На продолжительное время он стал безработным философом. Позже он защищает диссертацию по экономике в Корнеллском университете и перебирается в Чикагский университет во вновь образованный Департамент политической экономии. Чикагский период (1892–1906) был отмечен его постепенным ростом на пять ступеней в таблице о рангах университета до доцента (*associate professor*). Это и один из самых плодотворных периодов — за это время выходят две его самые известные книги: «Теория праздного класса» (1899) и «Теория делового предприятия» (1904). Работа в Чикагском университете, как и потом в Стэнфордском, заканчивается из-за решений администрации удовлетворить жалобы жены, которая долго не давала Торстейну развод. Второй плодотворный период, когда Веблен написал еще шесть книг, связан с *New School for Social Research* в Нью-Йорке (1919–1926).

23. Bartley R., Bartley S. R. Stygmatising Thorstein Veblen: A Study in the Confession of Academic Reputations // International Journal of Politics, Culture, and Society. 2000. Vol. 14. № 2. P. 363–400.

Ученики и последователи испытывали двойственное отношение к ироническому у Веблена. С одной стороны, они понимали, что именно иронические метафоры вызвали особое внимание академического сообщества. С другой — им хотелось это представить как его личные особенности восприятия мира и даже сожалеть о том, что за иронией многие не видят серьезность; то есть ирония затемняла, по их мнению, серьезность намерений, серьезность дискурса. Один из учеников — Уэсли Митчелл — в серии своих лекций по истории экономической мысли *Types of Economic Theory* большое внимание уделил наследию Веблена. Он обращает внимание, что *задиристость* была в характере Веблена, от мальчишеских выходок до самой старости:

Ничего не приносило ему большего удовольствия, чем, например, обсудить «капиталистический саботаж» как необходимую практику в современном мире. Его известная фраза *conspicuous waste* — такой же случай. В «Теории делового предприятия» он трактует филантропию как *an excursion into pragmatic romance*²⁴.

О «Теории праздного класса» Митчелл пишет, что

...многие экономисты были склонны воспринимать ее как в первую очередь блестящую сатиру на превалирующие привычки, а не обязательно серьезный вклад в понимание современного феномена потребления²⁵.

Противопоставляя сатиру серьезности, Митчелл предостерегает от понимания вклада Веблена как исключительно сатирического, тогда как наша задача — вписать Веблена в более *широкую традицию иронического*. Согласно этой традиции, именно ирония и есть высшая форма рефлексивного понимания сложной действительности, поскольку, по сути, она оставляет зазор для различных интерпретаций и не делает конечных выводов, но ярко обозначает парадоксы, противоречия, узловые точки, подражает самой реальности.

Современный последователь Веблена — Джеффри Ходжсон — в предисловии к переизданию Веблена в *Routledge* также вы-

24. Mitchell W. *Types of Economic Theory from Mercantilism to Institutionalism*. N.Y.: Augustus M. Kelley Publishers, 1969. Vol. II. P. 620. В предисловии к недавнему сборнику о личности и наследии Веблена Эрик Райнерт и Франческа Виано отдельно упоминают то, что падчерицы Веблена от второго брака называли его по-норвежски *toyse*, что могло бы переводиться *подшучивающий* или *играющий*. См.: Thorstein Veblen: *Economics for an Age of Crises* / E. Reinert, F. L. Viano (eds). N.Y.: Anthem Press, 2012. P. 1.

25. Mitchell W. *Types of Economic Theory*. P. 625.

ражает опасения, зная общие места в экономической науке, что сатира и ирония могут помешать его правильному восприятию:

Веблен мог быть ироничным, но нет оснований полагать, что его ирония маскировала скрытую убежденность в том, что идеология и наука неразделимы²⁶.

Для Ходжсона важно показать, что междисциплинарность Веблена, хотя не была продолжена даже его учениками, сегодня имеет больше шансов развиваться за счет изменений в смежных науках. Ему хотелось бы видеть Веблена в одном ряду с Кейнсом, Мюрдалем, Хайеком; нераскрытый потенциал его подхода он видит в междисциплинарных заимствованиях из прагматической философии, психологии инстинктов, эволюционной теории. Ирония же может помешать правильному восприятию серьезности намерений Веблена:

Был ли он ироничен? Использование иронии характерно для Веблена. Но если слишком опрометчиво утверждать, что Веблен был ироничен, тогда мы закончим тем, что не будем воспринимать с должной серьезностью все, что он написал²⁷.

Наша мысль противоположна: если и есть что-то непреходящее, что придает Веблену дополнительный интерес, — так это его ирония, благодаря которой его мысль ускользает от критики и совершенствуется. Кроме того, это важная черта эстетики мысли, роднящая его с Сократом, Марксом, Свифтом. Именно серьезность иронии и составляет ценность описания Веблена.

Любопытная попытка сближения институционализма и марксизма, если не по сути, то по характеру критики капитализма и экономической теории, наметилась в движении продолжателей американского институционализма Веблена, которое Уильям Даггер назвал *радикальным институционализмом*²⁸. Именно на рубеже 1980–1990-х годов, когда новый институционализм с очевидностью стал делать ставку на то, чтобы усовершенствовать экономическую теорию и в какой-то степени оправдать основные экономические институты, часть традиционных институционалистов радикализировалась и предпочла искать условного альянса с марксизмом.

26. Essential Writings of Thorstein Veblen / Ch. Camic, G. Hodgson (eds). L.; N.Y.: Routledge, 2011. Introduction.

27. Ibidem.

28. Dugger W. Radical Institutionalism: Basic Concepts // Review of Radical Political Economics. 1988. Vol. 1. P. 1–20.

Согласно манифесту Даггера 1988 года, к основным концепциям радикального институционализма, «двоюродного брата марксизма», следует отнести: смещение акцента с вопросов оптимума и равновесия на процессы и кумулятивную причинность; признание миметической (*emulation*) природы поведения (в частности, потребления), которая часто иррационально закрепляет мифы и стандарты выбора господствующего класса (искажения рациональности) и препятствует социализации; признание ключевой роли власти, статуса и авторитета²⁹. Кроме того, радикальные институционалисты полагают, что власть и статус создают авторитет, авторитет же вместе с мифом приводит к тирании. Не боясь нормативного подхода, они провозглашают своими ценностями социальное равенство и демократию. Наконец, они доказывают большую пользу радикальных изменений по сравнению с постепенными. В отличие от марксизма, институционалисты не используют диалектику и трудовую теорию стоимости. Веблен для радикального институционализма — ключевая фигура. Вслед за Вебленом, история для них — абсурд и мрак. Радикальный институционализм призывает к фундаментальной трансформации, к системе большего равенства и справедливости, но в отличие от Веблена (да и Маркса) их письмо отличается нарочитая серьезность: ирония, сарказм и игра уступают место прямой прагматике и инструментализму.

Ирония как симптом «сумасшествия самой цивилизации»

Ирония — одно из греческих понятий — тонкая, часто скрытая насмешка, игра с противоположностью, с отрицанием, часто содержащая парадокс. Ироническое высказывание заключает в себе инсказание, хитрость. Классический античный пример — это сократовская ирония. В «Пире» Платона Сократ поражает, потрясает, захватывает своим словом, «слезы льются от его речей», он уничижает себя и превозносит других так, что те, кого он превозносит, понимают, что так дальше жить они уже не могут. Ирония Сократа — это насмешка, едкая шутка, наполненная колоссальным словесным задором. Понятно, что за насмешкой и издевательством стоит вполне обдуманная мысль. Тимон-силлограф выделяет три вида иронии: «остроумие (*asteismos*), насмешка (*mysterismos*), изде-

29. См. также разбор этого направления: Кирдина-Чэндлер С. Г. Радикальный институционализм и фейковая экономика в XXI веке // *Journal of Institutional Studies*. 2017. № 4. С. 6–15.

вательство (*sarcasmos*)»³⁰. Пан, Арес, Афродита ироничны, поскольку ироничны сами устои мира и бытия. Ирония боится догматизма и, пожалуй, позитивизма. Скорее даже наоборот — эти последние ее не признают. Интерес к иронии пробуждается в эпоху барокко с его игрой, визуальным обманом и остроумием. Джамбаттиста Вико относит иронию к последней стадии истории, когда развивается рефлексивное мышление. Диалектика также предполагает иронию, поскольку теоретическое сознание не может избежать ироничности, в отличие от обыденного. Ирония истории в том, что намерения и результаты часто расходятся: те, кто делает революцию, никогда не знают, к чему она приведет. Ирония позволяет сохранять критическую дистанцию по отношению к современности.

Хейден Уайт (1973) показал, что для исторического воображения XIX века ирония оказывается в особом положении. Она диалектична, поскольку представляет собой осознанное использование метафоры в интересах самоотрицания (катахреза, абсурд, апория). Ирония предполагает большую осведомленность читателя, поскольку задает несколько планов — как минимум буквальный и фигуративный или отрицание буквального. Читатель, слушатель сам должен распознать абсурд. Как пишет Уайт,

...ирония *метатропологична*... Ирония представляет собой стадию сознания, на которой признается *проблематичная природа самого языка*. Она указывает на потенциальную глупость всех языковых характеристик реальности, как и на абсурдность всех убеждений, которые она пародирует³¹.

Ирония — для описания сложного мира сложными авторами для особых читателей. Ирония *трансидеологична*, поскольку показывает «сумасшествие самой цивилизации» и вдохновляется аристократическим пренебрежением. Именно к таким категориям относится, к примеру, *товарный фетишизм*, поскольку разоблачение иллюзорности представлений о самостоятельной ценности товаров не дает реальной возможности найти выход за рамки фетишизма как такового — остается только *иронизировать* над этим мощным, но столь необходимым самообманом.

В контексте других авторов ирония может выступать возвращением симуляции в реальность (Жан Бодрийяр), затемнять намере-

30. Лосев А. Ф., Шестаков В. П. История эстетических категорий. М.: Искусство, 1965. С. 331.

31. Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: УрГУ, 2002. С. 56.

ния автора, вкладывать предполагаемый, интенциональный смысл, задавать загадку. Важно, что ирония — это и не просто насмешка, но и высмеивание самой серьезности. Вы это всерьез? Серьезный тон оказывается как бы глуп, не оставляет зазора для интерпретации. В случае самоиронии не сама истина глаголет, но пишет тонкий насмешник-скриптор. Ирония — не обязательно только негатив, это такое элегантно сдувание пыли, очищение; если угодно, она дает потенциал для профанации и профанирует реальность.

Вместо заключения: о пользе иронии в социальных науках

Троп иронии — излюбленный прием таких авторов, как Джонатан Свифт, Бернард де Мандевиль, Карл Маркс, Торстейн Веблен, — можно считать наиболее соответствующим сложной, многоплановой, игровой социальной реальности. Ирония в наибольшей степени сближается с критикой *status quo*, высмеиванием, которое оказывается по ту сторону идеологии и позволяет говорить о ее близости с утопией. Ирония радикальна, она содержит в себе мощный преобразовательный потенциал. Вслед за литературой, историей, философией ирония имеет потенциал в социальных науках: в социологии образования, критике экономической теории, изучении привычек и характера потребления и, в частности, демонстративного потребления. Возможно, и верно, что вместе с тотальным расширением потребления напоказ до размеров всего общества критика именно праздного класса выдохлась³². Однако анализ Веблена, как представляется, не слишком устарел, поскольку важен не класс как таковой, а различия, которые сначала были характерны для аристократии (трофеи, потлач), затем для аристократии времен феодализма (честь, демонстративная праздность); в конце XIX века стали отличать так называемый праздничный класс нового типа деловых людей, которые в известном смысле подражали аристократии. Различия никуда не ушли, но лишь приняли новые формы; классовые отличия приобрели иные очертания; необходимость демонстрации современности, адекватности, статуса никуда не делись. Дело в том, что эти различия постоянно смещаются, игра в обществе становится более тонкой и быстрой — то, что вчера было признаком праздности, сегодня уже демонстрирует отставание от тренда. В Америке средний класс с 1990-х годов потребляет больше, чем зарабатывает.

32. Лебедева Н. Почему выдохлась критика праздного класса? Реалии фактические и дискуссионные // Логос. 2019. Т. 29. № 1. С. 27–52.

Хвастовство приобретает более тонкие формы аскезы и скромности. Можно одеваться в водолазку и джинсы, пересаживаться с автомобиля на велосипед, вести здоровый образ жизни, ценить окружающую среду и этичное поведение, но все это остается еще одной игрой в погоне за меняющимися и ускользающими для большинства знаками отличия. Мода, тренды также управляют поведением. Веблен в свое время посмеялся над капитанами индустрии, возомнившими себя новой аристократией. Сегодня этот знак может меняться до неузнаваемости — он может даже воплощаться в нарочитом трудолюбии, когда руководитель компании первый приходит на работу и последний уходит, показывая свою алчность к работе. Формально это не о праздном классе, но подобное поведение также вписывается в анализ Веблена, для которого важна демонстрация этих различий. А то, что они принимают новые формы, лишь показывает актуальность предложенных Вебленом подходов к пониманию потребления и формирования желаний и различий в обществе³³.

Веблен ироничен по отношению к праздному классу, к денежной культуре потребления, к системе образования, к самой современной цивилизации, как и по отношению также к нарождающейся неоклассической экономической теории. Его последователи подчеркивали задиристый характер Веблена, предпочитали догматизировать его наследие и, следовательно, сделать его идеи серьезными, тогда как никто лучше Веблена не высмеял сам этот серьезный тон, неспособный к пониманию современной цивилизации, знание о которой есть «человеческое знание», предполагающее не только опыт и логику, но и мораль, интуицию, рефлексивность, эстетику, эмоции и веру³⁴. Ирония — это серьезное знание.

Библиография

- Ананьин О. Структура экономико-теоретического знания. Методологический анализ. М.: Наука, 2005.
- Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело, 1994.
- Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика, 2006.
- Веблен Т. Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной? // Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М.: ИД ВШЭ, 2007.

33. См. положительное переосмысление Веблена у Жана Бодрийяра: *Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры*. М.: Республика, 2006. С. 122–124, 193–203.

34. См. сравнение научного знания и знания иронии: *Booth W. A Rhetoric of Irony*. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1974. P. 14–19, 51–52.

- Веблен Т. Теория делового предприятия. М.: Дело, 2007.
- Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.
- Кирдина-Чэндлер С. Г. Радикальный институционализм и фейковая экономика в XXI веке // *Journal of Institutional Studies*. 2017. № 4. С. 6–15.
- Кламер А. Странная наука экономика. Приглашение к разговору. М.; СПб.: Издательство Института Гайдара, 2015.
- Лебедева Н. Почему выдохлась критика праздного класса? Реалии фактические и дискуссионные // *Логос*. 2019. Т. 29. № 1. С. 27–52.
- Лосев А. Ф., Шестаков В. П. История эстетических категорий. М.: Искусство, 1965.
- Маккლოსки Д. Риторика экономической науки. М.; СПб.: Издательство Института Гайдара, 2015.
- Малахов С. В. Эффект Веблена, поиск статусных товаров и отрицательная полезность демонстративного досуга // *Journal of Institutional Studies*. 2012. № 3. С. 6–21.
- Нуреев Р. М. Торстейн Веблен: взгляд из XXI века // *Вопросы экономики*. 2007. № 7. С. 73–85.
- Расков Д. Е. Образ экономики в институционализме // *Вестник СПбГУ. Серия «Экономика»*. 2010. Вып. 3. С. 32–41.
- Расков Д. Е. Риторика новой институциональной экономической теории // *Вопросы экономики*. 2010. № 5. С. 81–95.
- Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: УрГУ, 2002.
- Шишкина Т. М. Демонстративная расточительность и эвристика репрезентативности // *Journal of Institutional Studies*. 2017. № 4. С. 68–79.
- Bartley R., Bartley S. R. Stigmatizing Thorstein Veblen: A Study in the Confection of Academic Reputations // *International Journal of Politics, Culture, and Society*. 2000. Vol. 14. № 2. P. 363–400.
- Booth W. A Rhetoric of Irony. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1974.
- Camic Ch., Hodgson G. General Introduction // *Essential Writings of Thorstein Veblen* / Ch. Camic, G. Hodgson (eds). L.; N.Y.: Routledge, 2011.
- Dorfman J. Thorstein Veblen and His America. With New Appendices. N.Y.: Augustus M. Kelley, 1966 (1934).
- Dugger W. Radical Institutionalism: Basic Concepts // *Review of Radical Political Economics*. 1988. Vol. 1. P. 1–20.
- Fine G. A. The Social Construction of Style: Thorstein Veblen's "The Theory of the Leisure Class" as Contested Text // *The Sociological Quarterly*. 1994. Vol. 35. № 3. P. 457–472.
- Galbraith J. K. A Life in Our Times. Memoirs. Boston: Houghton Mifflin Company, 1981.
- Machalek R. Thorstein Veblen, Louis Schneider and the Ironic Imagination // *Social Science Quarterly*. 1979. Vol. 60. P. 460–464.
- Mitchell W. Types of Economic Theory from Mercantilism to Institutionalism. N.Y.: Augustus M. Kelley Publishers, 1969. Vol. II.
- Thorstein Veblen: Economics for an Age of Crises / E. Reinert, F. L. Viano (eds). N.Y.: Anthem Press, 2012.
- Veblen T. Professor Clark's Economics (1908) // *Idem*. The Place of Science in Modern Civilization and Other Essays. N.Y.: B.W. Huebsch, 1919.
- Veblen T. The Higher Learning in America: A Memorandum on the Conduct of Universities by Business Men. N.Y.: B.W. Huebsch, 1918.

THE RHETORIC OF INSTITUTIONALISM: THORSTEIN VEBLEN'S IRONY

DANIŁA RASKOV. Associate Professor, Head, Center for the Study of Economic Culture, Faculty of Liberal Arts and Sciences (Smolny College),
danila.raskov@gmail.com.

Saint Petersburg State University (SPbU), 58–60 Galernaya str., 190121
St. Petersburg, Russia.

Keywords: rhetoric; Thorstein Veblen; irony; institutionalism; leisure class.

The article centers on the rhetoric of Thorstein Veblen, who combined economic, sociological and anthropological approaches in an organic way. The paper emphasizes the importance and heuristic significance of Veblen's use of the trope of irony. An ironic stance buttresses his critique of the status quo and promotes an understanding of the socio-economic structure as complex, controversial and sometimes absurd. The article highlights the examples and themes that Veblen described with recourse to irony. Irony accompanies his criticism of the status quo, and it appears in his account of such phenomena as the leisure class, business culture, higher education, modern Western civilization as epitomized by America, and in his exposure of the postulates and hidden ideologies of mainstream economics.

The author shows that Veblen's followers took his irony as an idiosyncrasy typical for someone descended from Norwegian farmers, while the tropes themselves were usually unfavorably contrasted with serious research, i.e. that side of his heritage was regarded as a caprice that interfered with later recognition of Veblen's merit. The article intends to demonstrate exactly the opposite by calling attention to irony in the social sciences and showing its significance for them. Irony as a negative and multifaceted characterization of reality better reflects the phenomena themselves with their inherent paradoxes and complexity. Irony assists us in keeping a proper distance from the intensity of a description and in revealing socio-economic processes with all their dynamics and contradictions. It is the ironic that makes Veblen's heritage relevant after all.

DOI: 10.22394/0869-5377-2019-6-253-271

References

- Anan'in O. *Struktura ekonomiko-teoreticheskogo znaniia. Metodologicheskii analiz* [Structure of Economic-Theoretical Knowledge. Methodological Analysis], Moscow, Nauka, 2005.
- Bartley R., Bartley S. R. Stygmatising Thorstein Veblen: A Study in the Confection of Academic Reputations. *International Journal of Politics, Culture, and Society*, 2000, vol. 14, no. 2, pp. 363–400.
- Baudrillard J. *Obshchestvo potrebleniia. Ego mify i struktury* [La société de consommation: ses mythes et ses structures], Moscow, Respublika, 2006.
- Blaug M. *Ekonomicheskaiia mys' v retrospektive* [Economic Theory in Retrospect], Moscow, Delo, 1994.
- Booth W. *A Rhetoric of Irony*, Chicago, London, The University of Chicago Press, 1974.
- Camic Ch., Hodgson G. General Introduction. *Essential Writings of Thorstein Veblen* (eds Ch. Camic, G. Hodgson), London, New York, Routledge, 2011.
- Dorfman J. *Thorstein Veblen and His America. With New Appendices*, New York, Augustus M. Kelley, 1966 (1934).

- Dugger W. Radical Institutionalism: Basic Concepts. *Review of Radical Political Economics*, 1988, vol. 1, pp. 1–20.
- Fine G. A. The Social Construction of Style: Thorstein Veblen's "The Theory of the Leisure Class" as Contested Text. *The Sociological Quarterly*, 1994, vol. 35, no. 3, pp. 457–472.
- Galbraith J. K. *A Life in Our Times. Memoirs*, Boston, Houghton Mifflin Company, 1981.
- Kirdina-Chandler S. G. Radikal'nyi institutsionalizm i feikovaia ekonomika v XXI veke [Radical Institutional Economics and Fakery for the 21st Century]. *Journal of Institutional Studies*, 2017, no. 4, pp. 6–15.
- Klamer A. *Strannaia nauka ekonomika. Priglasenie k razgovoru* [The Strange Science of Economics: An Invitation to Discussion], Moscow, Saint Petersburg, Gaidar Institute Press, 2015.
- Lebedeva N. Pochemu vydokhlas' kritika prazdnogo klassa? Realii fakticheskie i diskussionnye [Why has the Critique of the Leisure Class Run out of Steam? Matters of Fact and Matters of Concern]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2019, vol. 29, no. 1, pp. 27–52.
- Losev A. F., Shestakov V. P. *Istoriia esteticheskikh kategorii* [History of Aesthetic Categories], Moscow, Iskusstvo, 1965.
- Machalek R. Thorstein Veblen, Louis Schneider and the Ironic Imagination. *Social Science Quarterly*, 1979, vol. 60, pp. 460–464.
- Malakhov S. V. Effekt Veblena, poisk statusnykh tovarov i otritsatel'naia poleznost' demonstrativnogo dosuga [Veblen Effect, Search for Status Goods, and Negative Utility of Conspicuous Leisure]. *Journal of Institutional Studies*, 2012, no. 3, pp. 6–21.
- McCloskey D. *Ritorika ekonomicheskoi nauki* [The Rhetoric of Economics], Moscow, Gaidar Institute Press, 2015.
- Mitchell W. *Types of Economic Theory from Mercantilism to Institutionalism*, New York, Augustus M. Kelley Publishers, 1969, vol. II.
- Nureev R. M. Thorstein Veblen: vzgliad iz XXI veka [Thorstein Veblen: A View from 21st century]. *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economics], 2007, no. 7, pp. 73–85.
- Raskov D. E. Obraz ekonomiki v institutsionalizme [Image of Economics in Institutionalism]. *Vestnik SPbGU. Seriya "Ekonomika"* [Vestnik of Saint Petersburg University. Series: Economics], 2010, iss. 3, pp. 32–41.
- Raskov D. E. Ritorika novoi institutsional'noi ekonomicheskoi teorii [Rhetoric of New Institutional Economic Theory]. *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economics], 2010, no. 5, pp. 81–95.
- Shishkina T. M. Demonstrativnaia rastochitel'nost' i evristika reprezentativnosti [Conspicuous Waste and Representativeness Heuristic]. *Journal of Institutional Studies*, 2017, no. 4, pp. 68–79.
- Thorstein Veblen: Economics for an Age of Crises* (eds E. Reinert, F. L. Viano), New York, Anthem Press, 2012.
- Veblen T. Professor Clark's Economics (1908). *The Place of Science in Modern Civilization and Other Essays*, New York, B.W. Huebsch, 1919.
- Veblen T. *The Higher Learning in America: A Memorandum on the Conduct of Universities by Business Men*, New York, B.W. Huebsch, 1918.
- Veblen Th. Pochemu ekonomicheskaiia nauka ne iavliaetsia evoliutsionnoi distsiplinoy? [Why is Economics not an Evolutionary Science?]. *Istoki. Iz opyty*

- izucheniiia ekonomiki kak struktury i protsessa* [Origins. From the Experience of Studying Economics as Structure and Process], Moscow, HSE, 2007.
- Veblen Th. *Teoriia delovogo predpriiatiia* [The Theory of Business Enterprise], Moscow, Delo, 2007.
- Veblen Th. *Teoriia prazdnogo klassa* [The Theory of the Leisure Class], Moscow, Progress, 1984.
- White H. *Metaistoriia. Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka* [Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-century Europe], Yekaterinburg, UrGU, 2002.